

Мы вериги несем на теле нерассказанных этих лет¹

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ИОСИФОВИЧА ФУДЕЛЯ

В судьбе Сергея Иосифовича Фуделя нашла отражение эпоха гонений на Церковь. Одиннадцать лет он провел в ссылках, первый срок получил в 22 года за то, что в его квартире нашли 35 экземпляров послания митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) к архипастырям и всем чадам Русской Православной Церкви, призывавшего не подчиняться обновленцам. Во время Великой Отечественной войны был призван в армию и служил в железнодорожных войсках, а после войны опять был арестован. Первый дом, который он построил для своей семьи накануне войны, сгорел... Неустроенность, безденежье, переезды с женой и детьми, отсутствие постоянного места работы и источника дохода... И в то же время Сергей Иосифович не был сломлен. Он смог сохранить библиотеку с творениями святых отцов. Писал, понимая, что, возможно, его труд никогда не будет опубликован. Его мысли и суждения расходились в рукописном виде, распространялись среди верующих, переписывались, перепечатывались на машинке...

Разговор о творческом наследии С. И. Фуделя с читателями «Журнала Московской Патриархии» ведет сегодня старший преподаватель МГУ, преподаватель Института дистанционного образования ПСТГУ, кандидат филологических наук, магистр теологии **Даниил Дмитриевич Черепанов.**

Сергей Иосифович Фудель (1900–1977), один из самых глубоких церковных писателей XX века, запечатлел своих учителей — подвижников, новомучеников и исповедников веры. Фудель был представителем лучших традиций дореволюционной культуры. Его книги, несмотря на риск, расходились еще в советском самиздате, а с началом возрождения Русской Церкви переиздавались и приобрели широкую известность. Впервые в печати (заграничной) работа Фуделя появилась 50 лет назад². И вот только что вышло в свет дополненное собрание его писем и стихов. Оно проливает свет на новые обстоятельства жизни и труда писателя и раскрывает личности близких Фуделю людей, для которых Церковь и во время гонений была средоточием жизни.

«Передать благословение святых»

Книги С. И. Фуделя давно нашли путь к читателю. В некоторых библиотеках и домашних собраниях хранятся размноженные на печатной машинке экземпляры его работ, еще в 1970-е годы передававшиеся из рук в руки среди верующих. Машинописные копии тайно распространялись, например, через библиотеку Николая Евграфовича Пестова, члена «маросейской» общины, состоявшей из духовных чад святого

праведного Алексея и священномученика Сергея Мечёвых.

Сейчас, спустя почти двадцать лет после появления первого академического издания работ Фуделя³, его произведения стали доступны читателю в России и за рубежом. Они переведены на итальянский, английский, японский, немецкий, сербский языки.

Студент Сергей Фудель перед первой ссылкой. Москва, начало 1920-х гг.

Фото С. И. Фуделя из следственного дела 1946 г.

Жизнь и творчество Фуделя представляют несомненный интерес для современного читателя. С одной стороны, через отца, протоиерея Иосифа Фуделя, будущий писатель с детства был приобщен к жизни Православной Церкви. Он был связан с Оптиной и Смоленской Зосимовой пустынями, хорошо знал московскую церковную среду. Особое место в ней занимали Братство святителей Московских и Кружок ищущих христианского просвещения, сложившийся вокруг Михаила Александровича Новоселова и Александра Дмитриевича Самарина, друзей протоиерея Иосифа Фуделя. В кружке объединились представители консервативной православной традиции, искавшие подлинного церковного общения и целостной жизни по вере. С другой стороны, Фудель был причастен миру русской культуры: он слушал выступления Н. А. Бердяева и Андрея Белого на заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, знал Вячеслава Иванова, священника Павла Флоренского и протоиерея Сергия Булгакова, которого запомнил как борца против «будущих живоцерковников», против «неверия в Церковь»⁴. Сохранение богатства русской духовной жизни и его передачу следующим поколениям Фудель считал своей главной задачей.

Нашупывая свой жизненный и церковный путь, Фудель познакомился со святым праведным Алексием Мечёвым и маросейской «покаяльно-богослужебной семьей». Будущий писатель присутствовал на открытии Поместного Собора 1917–1918 годов, для подготовки которого немало трудились и наставники Фуделя. Затем его судьба соединилась с жизнью подпольной, гонимой Церкви. Он пережил не-

однократные аресты, заключение и три ссылки (в 1922–1925, 1933–1936 и 1946–1951 годах), недолгое время был в лагере на лесозаготовках и в «смертном бараке». В тюрьмах и ссылках он находился вместе со многими видными церковными деятелями, исповедниками веры. Среди них были священномученики Кирилл (Смирнов) и Фаддей (Успенский), преподобномученик Неофит (Осипов) и святитель Афанасий (Сахаров), связь с которым Фудель сохранил до конца жизни.

Многое соединяло Фуделя с Сергиевым Посадом, тогда Загорском, где и после закрытия Троице-Сергиевой лавры сохранялась церковная среда. Там жили люди, близкие скончавшемуся в 1918 году протоиерею И. Фуделю: учитель С. И. Фуделя Сергей Николаевич Дурылин, священник Сергей Мансуров, священник Павел Флоренский, Лев Александрович Тихомиров... На участке, принадлежавшем дочерям Тихомирова, Фудели в 1938 году построили дом, который они даже не успели обжить из-за пожара. Там же, в Загорске, на нелегальном положении жил архимандрит Серафим (Битюгов), вокруг которого собралась небольшая община, находившаяся под духовным руководством святителя Афанасия (Сахарова). Духовные чада святителя жили и в районе Козьей Горки, куда семья Фуделя переехала после пожара. В доме Фуделей находили приют многие из «бывших», там останавливались единомысленные отцу Серафиму священники, совершавшие тайные богослужения в узком кругу верных людей. Позднее, в 1950-х годах, Фудель вновь приезжал в Загорск к схиигумении Марии⁵, по-своему продолжавшей дело отца Серафима.

В 1942 году Фудель был надолго вырван из этого круга: сначала воинская служба, а после демобилизации — очередной арест, ссылка и «административный минус». Освободившись в 1951 году, Фудель был вынужден поселиться вдали от родных, в Воронежской области. Годы, проведенные в Усмани и Лебедяни, стали для него «временем большого одиночества»⁶. Именно в этот период Фудель начал писать. На Пасху 1956 года была закончена первая его работа — «Моим детям и друзьям». В ней уже были намечены основные темы всего творчества Фуделя: учение святых отцов и подвижников новейших времен о познании Бога, размышления о смыс-

ле страданий, о сокровенной сущности Церкви и ее историческом пути. Писатель видел, что его современникам необходимо краткое изложение самого главного в православном Предании. Он понимал, что истончается ткань церковной жизни: исчезали учителя — хранители церковной традиции, рвались связи между верующими; тот, кто пытался такие связи сохранить, в первую очередь подвергался гонениям. Мало было не только учителей: учеников в этих условиях тоже становилось все меньше. Все реже происходила передача веры в личном общении, о которой Фудель писал:

Доказать веру нельзя, можно только показать живым дыханием правды. Убедить можно только убедительностью своего личного счастья в ней, заразительностью своего божественного веселья веры⁷.

Зная, что Церковь умереть не может, что следующее поколение должно прийти, Фудель писал для тех, кому еще только предстояло искать подлинной жизни в Церкви, для тех, кто «может быть, никогда не видел святых»⁸. Понимая, что в прошлое уходит не только эпоха в жизни Русской Церкви, но и целый век русской культуры, Фудель стремился запечатлеть их в своих трудах, передать «детям и друзьям» «благословение святых». Так родились «Воспоминания» — книга о подвижниках и исповедниках веры, которых Фудель знал лично.

Над «Воспоминаниями» Фудель продолжал трудиться до 1975 года. В конце 1950-х годов была написана небольшая, но насыщенная работа «Церковь верных», свидетельствующая о Святой Церкви как благодатном единстве людей, объединенных покаянием и любовью к Спасителю и одновременно разделяющих опыт «великой человеческой скорби в пустыне истории». В это же время возникает статья об А. С. Хомякове, завершенная позднее и по-

Христианства без радости не бывает: невозможно верить стиснув зубы, вера без радости — это уже не христианство, а «хмурое законничество».

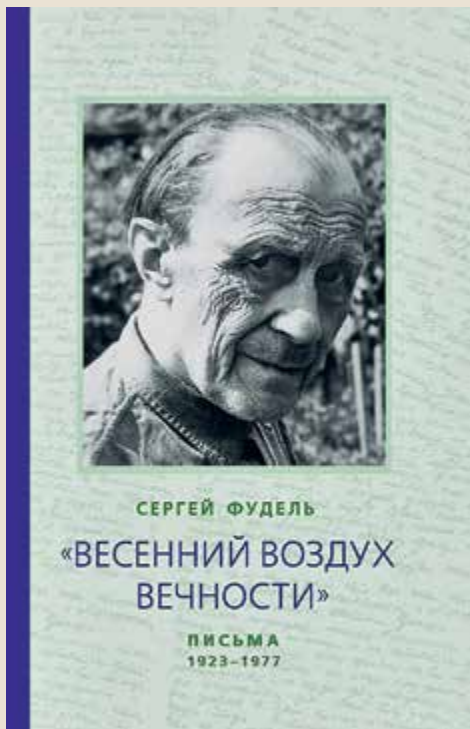
лучившая название «Славянофильство и Церковь». Интерес к Хомякову у Фуделя, которого исследователи иногда называли «последним славянофилом»⁹, закономерен. Писатель трезво относился к «славянофильским мечтам», которые одно время разделял и отец Иосиф Фудель, но видел в Хомякове и его наследниках людей живой веры, пытавшихся выработать целостное мировоззрение и перестроить свою жизнь в соответствии с учением Церкви.

В 1963 году Фудель завершил книгу, которой особенно дорожил, — «Наследство Достоевского». Автора «Преступления и нака-

Вера Максимовна Сытина, супруга С. И. Фуделя. 1930-е гг. (слева)

С. И. Фудель с супругой (справа)

Весенний воздух вечности

Фудель С. И. Письма. 1922–1977. Стихи. М.: Изд-во ПСТГУ, 2023. 766 с.

В этом издании представлено наиболее полное собрание сохранившихся писем С. И. Фуделя, в том числе открытые и опубликованные за последние два десятилетия письма к святителю Афанасию (Сахарову) и Марии Федоровне Мансуровой. Значительная часть писем публикуется впервые: письма к учителю Фуделя Сергею Николаевичу Дурылину, внучке А. С. Хомякова Марии Алексеевне Бобринской, Ольге Павловне Флоренской, родственнику славянофилов И. В. и П. В. Киреевских А. С. Безру, а также многочисленные письма к протоиерею Владимиру Воробьеву и его семье.

В книге впервые полностью публикуется цикл «Тридцать стихов для друзей», прежде известный читателям по фрагментам, которые Фудель включал в свои работы, а также ряд стихов, не вошедших в цикл. Особенного внимания заслуживают стихи, адресованные Дурылину и раскрывающие сложную историю отношений, в центре которых для Фуделя всегда находилась Церковь.

зания», «Идиота», «Бесов», «Братьев Карамазовых» и «Дневника писателя» Фудель ценил очень высоко:

Над миром стоит зарево ненависти и разъединения. Невидимые скрепы, прежде соединявшие людей, все больше ослабевают. В холоде абстракции расщепляется искусство, все более делаясь «дорогой в никуда». <...> И вот, обращаясь к Достоевскому, мы видим в его темном лабиринте такую ослепительную нить Ариадны, что лабиринт делается широким и безопасным путем¹⁰.

Зная о темных и трудных перепахуях биографии Достоевского, Фудель в то же время видел, что в его романах среди «сложности, смятения чувств и темноты» для людей новой эпохи, «эпохи водородной бомбы», явственно зазвучал голос Первоначальной Церкви.

Фудель хорошо знал не только русскую и европейскую литературу: несмотря на переезды, пожар и постоянную бытовую неустроенность, у него сохранилась обширная святоотеческая библиотека. Именно святоотеческую традицию, воспринятую в общении со старцами Алексеем Зосимовским, Анатолием Оптинским и другими подвижниками XX века, Фудель хотел сделать доступной для современных людей. Еще одна книга Фуделя — «Путь отцов» — была задумана как введение в учение отцов-аскетов. Она получила одобрение старцев Глинской пустыни¹¹, а святитель Афанасий (Сахаров) назвал ее обоснованием «монастыря в миру»:

Зная Вас, я знаю и то, что книга, написанная Вами, не есть только упражнение в богословской литературе, а является изображением того, чем живете Вы¹².

В 1950–1960-х годах Фудель вел активную переписку: сохранились многочисленные письма сыну Николаю, святителю Афанасию (Сахарову), С. Н. Дурылину, о роли которого в жизни писателя свидетельствует, например, стихотворение 1934 года с характерным названием «Послание второе и последнее»:

*Ты мой учитель был когда-то,
Учил меня, тоской томим,
В пыли осеннего заката
Словам, как солнцу, золотым¹³.*

Перемена в отношениях Фуделя и Дурылина (не случайно «послание» обозначено как «последнее») произошла, когда учитель, не отрекаясь от священного сана, «отошел» от церковного служения. Фудель чувствовал, что когда-то близкий человек отдалился, «запер осторожно / Передо мной глухую дверь». В 1950-е годы Фудель вновь обратился к Дурылину — «последним» стихотворное письмо все же не стало — и по-новому взглянул и на собственный жизненный путь.

Переезд в Покров

В 1962 году Сергею Иосифовичу Фуделю и его супруге Вере Максимовне удалось переехать в город Покров Владимирской области, расположенный на 101-м километре от Москвы по Горьковскому шоссе¹⁴. После переезда Фудель смог регулярно приезжать в Москву. В столицу его влекла не только возможность увидеться с сыном Николаем и воспользоваться книгами из Государственной библиотеки. Такие поездки давали надежду на восстановление нитей, соединяв-

ших настоящее и прошлое, на возобновление общения с церковными людьми. Фудель бывал на службах в храме пророка Божия Илии в Обыденском переулке, в храме святителя Николая в Кузнецях, в Донском монастыре у отца Николая Голубцова. Он посещал Н. Е. Пестова, квартира которого была центром христианского просвещения и местом богослужений и бесед, и Марию Алексеевну Бобринскую, внучку А. С. Хомякова, супругу известного зоолога Н. А. Бобринского¹⁵. В это же время Фудель заново познакомился с Марией Федоровной Мансуровой, дочерью Ф. Д. Самарина, председателя Братства святителей Московских, и племянницей С. Н. и Е. Н. Трубецких.

Всячески соблюдая осторожность, Фудель вместе с тем примечал людей, стремившихся войти в глубину церковной жизни. Так, после службы в Обыденском переулке он знакомится с будущим протоиереем Илией Шмаиным, недавно принявшим крещение, и приглашает его на домашние богослужения у знакомого Фуделю священника, протоиерея Николая Педашенко, когда-то члена новоселовского кружка¹⁶. «Молодым» в церковном отношении друзьям Фудель доверял экземпляры своих рукописей, советовал святоотеческие книги, рассказывал о церковной истории. Он возобновил общение с семьей Воробьевых, с которой когда-то жил

на одной лестничной площадке: протоиерей Владимир Воробьев (1876–1940) с 1918 года был настоятелем храма святителя Николая в Плотниках на Арбате после скончавшегося протоиерея Иосифа Фуделя¹⁷. По мере того как физические силы Фуделя слабели, он все чаще писал будущему протоиерею Владимиру Воробьеву — младшему. Письма эти публикуются только теперь.

Сотрудничество с Издательским отделом Московской Патриархии

Важную роль в этот период жизни Фуделя сыграло знакомство с Анатолием Васильевичем Ведерниковым (1901–1992), ответственным секретарем редакции «Журнала Московской

Не вдыхая в себя хоть в малейшей степени блаженного воздуха вечности, нельзя сохранить свою веру... А ведь в этом все дело, особенно в наше время: остаться до конца Ему [Богу] верным.

Патриархии» в 1954–1962 годах, и со сменившим его в этой должности Евгением Алексеевичем Кармановым (1927–1998)¹⁸. Они многое делали, чтобы поддержать автора. С 1967 года Фудель регулярно получал от Издательского

*Дом С. И. Фуделя
в Покрове*

отдела заказы, которые давали не только материальную поддержку, но и ощущение востребованности, веру в будущее, ради которого готовились переводы и самостоятельные статьи, на тот момент очевидно «непроходные»¹⁹.

Благодаря сотрудничеству с издательством Фудель мог пользоваться библиотекой Московской духовной академии, останавливаясь на день-два в гостинице при ней, что было для него большой радостью. По работам Фуделя этого времени видно, как оживляюще действовало на него знакомство с труднодоступными книгами. Он читал и дореволюционные работы, и труды современных богословов, и представителей русского зарубежья, и иностранных авторов. Интерес к живой церковной

Очень важно, чтобы человек молился о ниспослании ему благодати, — тогда однажды он обнаружит, что, несмотря на все трудности, ему радостно и легко.

мысли сохранялся у Фуделя до последних лет: так, в 1973 году он советовал В. Н. Воробьеву найти стихи Вл. Соловьева, обещал «кое-что о Хомякове» и — как бы между делом — обращал внимание на только что вышедшие номера «Богословских трудов». В одном из них был опубликован «Иконостас» священника Павла Флоренского, а в другом, полностью посвященном В. Н. Лосскому, — переводы основных работ православного богослова. Они были выполнены Верой Александровной Решиковой (урожденной Угримовой, в постриге — монахиней Магдалиной; 1902–2002), ученицей протоиерея Иосифа Фуделя, высланной за границу вместе с семьей в 1922 году на «философском пароходе» и возвратившейся в 1947 году из эмиграции. Ей Фудель посвятил стихи, вошедшие в цикл «Тридцать стихов для друзей».

«Церковь есть стояние у Креста»

Плодом тяжелой, но насыщенной жизни стали важнейшие работы С. И. Фуделя: «У стен Церкви» — книга воспоминаний и размышлений, которая лучше всего подходит для первого знакомства с творчеством писателя; «Записки о Литургии и Церкви», посвященные раскры-

тию содержания и духовного смысла православного богослужения; «Об о. Павле Флоренском»; «Итог всего» — последнее произведение Фуделя, своего рода духовное завещание и одновременно исповедание веры в Церковь, в которой обитает «радость Духа — все та же — и вчера, и сегодня, и в атомный век, ибо она есть все то же реальное причастие еще здесь, на земле, Божественной жизни и нетления»²⁰. Фудель создавал их, преодолевая слабость, собственные болезни и недуги родных, материальную скудость и непрекращавшуюся бытовую неуютность.

Фудель не был мемуаристом, погруженным в прошлое, он напряженно вглядывался в настоящее. Радуюсь возможности вновь участвовать в службах, совершавшихся открыто в храмах, Фудель помнил об опыте, полученном во время гонений, в тюрьмах и ссылках: в Зырянском крае в 1920-х годах, в комнате деревенского дома или в камере Бутырской тюрьмы в первые дни 1933 года вокруг импровизированного престола — без иконостаса, с жестяными сосудами, маленькими иконами и свечами — собирались епископы, священники и верные члены Церкви²¹.

В камере было при мне временами до пяти архиереев и по несколько священников. Они служили по очереди, не каждый день, но довольно часто. Иногда на служение пускались гости и из других камер. Пели почти все — это, значит, человек двадцать, — и каменные своды старой тюрьмы далеко передавали божественные песни»²².

«Церковь есть стояние у Креста»²³ — так Фудель выразил содержание этой совместной молитвы. Для тех, кто вместе переживал обрушившиеся на Россию и Русскую Церковь потрясения, разделяя скудную тюремную трапезу, «последнехристианская», по ощущению Фуделя, эпоха смыкалась с эпохой первохристианской. Сквозь тюремную обстановку проступала подлинная реальность Евангелия: «Можно сказать, что христианство — это Тайная Вечеря. Все христианство — в этом окружении учениками своего Учителя за бессмертной трапезой таинства»²⁴. «Христианский мир» как будто сжался, превратившись в «малое стадо», окруженное людьми не всегда неверующими (тюремные повара с удовольствием выбирали лучшие угли для кадила, а дежурный иногда пускал

заклученных в соседнюю камеру на службу), но внешними, непричастными происходящему. «Наша епархия теперь вот! — вспоминал Фудель слова священномученика Кирилла Казанского, сказанные "двум-трем" людям, бывшим вместе в ссылке. — Довольно мы ездили в каретах и ничего не знали»²⁵.

«Тайна преодоления одиночества»

Такой образ Святой Церкви Фудель пытался передать своим «молодым друзьям». «Церковь есть собрание учеников Христовых», их совместное странствие среди беспросветной ночи земной истории²⁶, «тайна преодоления одиночества»²⁷. *Вы други мои* (Ин. 15, 14), — приводил Сергей Иосифович слова Господа, сказанные «при основании Церкви в последнюю ночь»²⁸.

Внешние условия церковной жизни менялись, стало возможным то, что было непредставимо в тюремной камере 1930-х годов. Открылась Троице-Сергиева лавра, появились духовные семинарии и академии... Но Фудель понимал, что узкий путь, по которому идут уче-

ники Христовы, по существу всегда остается неизменным. Именно поэтому Фудель смотрел на истинное монашество как на «никогда не прекращающееся первохристианство»²⁹. Во время испытаний ему стало ясно, что не только от монаха, но и от всякого христианина требуются напряжение сил и «огненная» вера в Бога, ибо *Он есть огонь поядающий* (Евр. 12, 29). Вместе с привычной жизнью, свободой и «великолепным, многокрасочным богослужением» для христианина исчезла и возможность как бы «оставаться в стороне» — не отвергать Евангелия, но и не посвящать себя служению Христу, ограничиваясь «мирскими полусловами, получувствами, полумолитвами»³⁰. Выражением подлинной веры для Фуделя стало воспринятое в детстве и отрочестве богослужение в Зосимовой пустыни:

Что-то, если можно так сказать, есть безжалостное в такой службе... Тут что-нибудь одно: или уходи, потому что стоять надо долго и трудно, или же бросай свои лень и трусость, сомнение и грех и в священном безумии иди за этими голосами, стройно, и сладостно, и страшно

Фрагмент
экспозиции Музея
С. И. Фуделя
в Покровском
филиале МПГУ

Мемориальная
комната
С. И. Фуделя
в Покрове

поющими все про одно: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею!» «...И Ему одному служи!»³¹

Фудель свидетельствовал, что там, где Господь собирал «двух или трех» откликнувшихся на этот призыв, совершалось чудо, рождалась «вселенская дружба учеников Христовых» и становилось возможно богослужение как «единство устремления людей к Богу»³².

«Внешний двор храма»

Сергей Фудель стремился привить вкус к подлинному, научить различать и выбирать. Он напоминал читателю, что христианин нуждается в руководстве подвижников, настоящих монахов, «уже достигших конца пути», так как вступает на узкий путь «невидимой брани»³³. Для этого писатель находил материал не только в аскетической письменности, но и в художественной литературе, приводя, например, известную цитату из романа «Братья Карамазовы»: «...дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Одновременно Фудель предупреждал, что не все то, что находится в «церковной ограде», — сама Святая Церковь. Вместе с ней в истории существует ее «темный двойник», «анти-Церковь», претендующий на то, что Церковь — это он. О тайне беззакония (2 Фес. 2, 7) Фудель писал неизменно аккуратно, подчеркивая недопустимость превозношения, отделения себя

от Церкви: и на Тайной Вечери среди апостолов находился Иуда, но «уходить из Церкви из-за Иуды — это значит уходить от Христа, сидящего на этой Вечери рядом с Иудой»³⁴. И все же он считал необходимым защитить читателей, может быть недавно переступивших порог храма, от соблазнов, поводами для которых могли стать «факты неверия "верующих"». «Все искаженное, нечистое, неправильное, что мы видим в церковной ограде, не есть Церковь»³⁵. Рядом с «храмом Божиим» и внутри его ограды есть *внешний двор храма*, который дан язычникам (Откр. 11, 1–2), и борьба между этими областями идет в сердце каждого члена Церкви:

«Врата адовы» борются Церковь не только извне, но внутри ее, через каждого из нас, через каждый грех и зло каждого человека, благодушно предполагающего, что он живет в ней»³⁶.

Фудель был уверен, что человек, вооруженный знанием об этой борьбе, сможет распознать среди всевозможных исторических событий присутствие Церкви как Тела Христова, «историю святой жизни и мысли тех, кто составлял ткань этого организма»³⁷.

«Ночь истории»

Фудель отмечал некий парадокс: евангельское обетование о сохранении Святой Церкви сочетается с тем, что можно назвать не столько «неудачей христианства в истории», сколько «неудачей человечества», нежеланием человечества принять христианство. *Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18, 8). Фудель понимал, как неосновательны надежды на «общую гармонию», примирение и соединение всех народов, которые иногда выражал даже Достоевский. Писатель констатировал выхолащивание, иссыкание «христианской цивилизации»³⁸. Однако Фуделю был чужд пессимизм. Обращаясь в своем духовном завещании к «последним христианам истории», он верил в победу Церкви над «миром сим»: «Ночью была основана Церковь, на пороге страданий, и долгая светозарная ночь — ее благодатный исторический путь»³⁹. Вслед за своими учителями Фудель сохранял уверенность, что Церкви предстоит еще эпоха духовного расцвета перед концом истории. В этом писатель не был одинок. Так, Н. Е. Пестов, параллельно с Фуделем изучавший святоотеческие толкования книги

Откровения, считал, что апокалиптическим катастрофам непосредственно будет предшествовать время, когда христианская вера не будет гонима, а проповедь не только не будет запрещена, но окажется «облечена всеми достижениями цивилизации: быстротой сообщения, радио, телевидением, общедоступностью книг и так далее»⁴⁰. Не пытаясь рассчитывать «времена и сроки», Фудель подчеркивал неизменность задач, стоящих перед верующим в любую эпоху:

Нам, начинающим, надо прежде всего искать деятельной любви, которая в то же время «есть совокупность совершенства». Пусть «язва любви» хоть отчасти опалит и наш скудеющий в холоде ум, чтобы нам даром «пройти сквозь тесные врата»⁴¹.

Фудель мыслил не как стоик, призывающий одиноких воинов сохранять мужество вопреки надежде; он укреплял в читателе веру в Церковь как источник «тепла», в котором никогда не пресекается таинство и уже осуществляется «цель и завершение» человеческой жизни и всей земной истории: *Да ядите и пиете за трапезую Мою в Царстве Моем* (Лк. 22, 30).

«Это было духовное торжество»

Сергей Иосифович скончался в Покрове 7 марта 1977 года. Людям, бывшим на его погребении в среду на третьей седмице Великого поста, запомнилось «ощущение Пасхи»⁴². Несмотря на будний день, желающих проститься было так много, что храм был заполнен. В погребальном слове, которое произнес протоиерей Андрей Каменьяка, много лет знавший Фуделя, звучали слова из книги Откровения:

Доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время (Откр. 6, 10–11).

«Сергей Иосифович, — добавил отец Андрей, — один из тех, о ком сказано: *это те, которые пришли от великой скорби* (Откр. 7, 14)»⁴³. Гроб писателя провожало множество людей с церковным пением, останавливались машины, оборачивались прохожие: «Кого хоронят? Кого хоронят?» Это было духовное торжество, явление Церкви.

¹ Фудель С. И. На смерть Пастернака // Фудель С. И. Весенний воздух вечности: Письма. 1922–1977. Стихи. М.: Изд-во ПСТГУ, 2023. С. 711.

² Уделов Ф. И. [Фудель С. И.] Об о. Павле Флоренском (1882–1943). Париж: YMCA-Press, 1972.

³ Фудель С. И. Собрание сочинений: в 3 т. / сост., коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2001–2005.

⁴ Фудель С. И. Воспоминания. М.: Русский путь, 2012. С. 96.

⁵ Схиигумения Мария (ок. 1880–1961) — вероятно, приняла постриг во Владимирском Вольском монастыре Саратовской губернии, после закрытия монастыря поселилась в Загорске, неподалеку от отца Серафима (Битюгова), с которым поддерживала близкое духовное общение; руководила женской монашеской общиной. В доме матушки Марии бывали многие видные церковные деятели: митрополит Гурий (Егоров; 1891–1965), митрополит Иоанн (Вендланд; 1909–1989), митрополит Евлогий (Смирнов; 1937–2020), Патриарх Пимен (тогда иеромонах). См.: Руфимский А. В. Последняя «пустынная церковь» еп. Николая (Парфенова) — община схиигумении Марии: Заметки к биографии подвижницы // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 177–197.

⁶ Фудель С. И. У стен Церкви // Фудель С. И. У стен Церкви. Моим детям и друзьям. М.: Русский путь, 2012. С. 154.

⁷ Фудель С. И. Моим детям и друзьям // Фудель С. И. У стен Церкви. Моим детям и друзьям. С. 187–188.

⁸ Там же. С. 183.

⁹ Горбачук Г., прот. Последний славянофил // «Чтобы не умирала великая мысль»: К 120-летию со дня рождения С. И. Фуделя / ред. Л. В. Бойченко и др. Владимир: Шерлок-пресс, 2021. С. 18–24.

¹⁰ Фудель С. И. Наследство Достоевского. М.: Русский путь, 2016. С. 47.

¹¹ Фудель С. И. Весенний воздух вечности. С. 441.

¹² Молитва всех вас спасет: материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. М.: ПСТБИ, 2000. С. 524.

¹³ Фудель С. И. Весенний воздух вечности. С. 717.

¹⁴ В СССР после освобождения из заключения осужденные за агитацию против революции, советской власти и по политическим мотивам не могли жить ближе, чем за 100 км от крупных городов.

¹⁵ Фудель С. И. Весенний воздух вечности. С. 521–523, 556–558.

¹⁶ Педашенко Николай Стефанович, протоиерей (1894–1980). См.: С. И. Фудель и его окружение. URL: https://fudel.ru/personalia/pedashenko_nicolay_stefanovitch.

¹⁷ Воробьев В., прот. «Память праведного с похвалами...» // Фудель С. И. Весенний воздух вечности. С. 45.

¹⁸ Балашов Н., прот., Сараскина Л. И. Сергей Фудель. М.: Русский путь, 2011. С. 206–208.

¹⁹ Фудель С. И. Весенний воздух вечности. С. 636.

²⁰ Фудель С. И. Итог всего // Фудель С. И. Церковь верных. М.: Русский путь, 2012. С. 189.

²¹ Фудель С. И. Воспоминания. С. 138.

²² Там же.

²³ Фудель С. И. У стен Церкви. С. 184.

²⁴ Фудель С. И. Записки о Литургии и Церкви. М.: Русский путь, 2012. С. 11.

²⁵ Фудель С. И. Воспоминания. С. 152.

²⁶ Фудель С. И. Моим детям и друзьям. С. 220.

²⁷ Фудель С. И. У стен Церкви. С. 13.

²⁸ Фудель С. И. Моим детям и друзьям. С. 221.

²⁹ Фудель С. И. Воспоминания. С. 10.

³⁰ Там же. С. 15.

³¹ Там же. С. 15.

³² Там же. С. 139.

³³ Фудель С. И. Моим детям и друзьям. С. 232.

³⁴ Фудель С. И. Письмо В. Н. Воробьеву от 21.II.1971 // Фудель С. И. Весенний воздух вечности. С. 568.

³⁵ Фудель С. И. У стен Церкви. С. 30.

³⁶ Фудель С. И. Моим детям и друзьям. С. 223.

³⁷ Фудель С. И. У стен Церкви. С. 80.

³⁸ Фудель С. И. Наследство Достоевского. М.: Русский путь, 2016. С. 181.

³⁹ Фудель С. И. Церковь верных. М.: Русский путь, 2012. С. 23.

⁴⁰ Лестов Н. Е. Свет Откровения: размышления над Апокалипсисом. М.: Братство св. ап. Иоанна Богослова. С. 124.

⁴¹ Фудель С. И. Моим детям и друзьям. С. 234.

⁴² Бармин А. А. О Сергее Иосифовиче Фуделе // Татьяна день. 2012, 3 февраля. URL: <https://archive.taday.ru/text/1451956.html> (дата обращения: 28.20.2023).

⁴³ Воспоминания о С. И. Фуделе // С. И. Фудель и его окружение. URL: https://fudel.ru/potaennaja_tserkov/#video (дата обращения: 19.09.2023).